

**Позднеримские императоры в военных кампаниях:
аспекты и практики лидерства в армейском социуме**

Конфликты периода «кризиса III века» способствовали росту военного фактора в жизни Римской империи и, как следствие, привели к усилению значения армии в обществе. Вооруженные силы становились единственной опорой, на которую могли рассчитывать императоры, поэтому было необходимо обеспечивать лояльность солдат и командиров правящему режиму, также важная роль отводилась поддержанию боеспособности воинских частей. Укрепление боевого духа осуществлялось в том числе и посредством демонстрации положительного личного примера военным лидером.

Августы, которые были верховными главнокомандующими, создавая иллюзию близости и видимости непосредственного контакта с рядовыми, стремились добиться расположения воинов, обеспечив популистскими акциями их преданность. Вместе с тем, по замечанию М. Стюарта, «сосредоточив представления о героической мужественности в фигуре императора, имперская идеология создала портрет идеального императора как модель «истинной» мужественности для всех стремящихся подражать мужчинам» [1]. Правители Ранней империи, например, Траян (98–117 гг.) и Адриан (117–138 гг.), делили с рядовыми бойцами трудности походной жизни (Dio Cass. LXVIII. 14. 1; SHA. Hadr. 10. 2). Примечательны свидетельства Геродиана о том, что легионеры восхищались Каракаллой (211–217 гг.), питавшимся солдатской пищей и наряду с ними участвовавшим в упражнениях (IV. 7. 4). Уже в IV в. Юлиан II (361–363 гг.) в присутствии воинов совершенствовал навыки ведения ближнего боя, довольствовался солдатским рационом, заботился о подчиненных (Amm. Marc. XXI. 2. 1; Lib. Or. XVIII. 216; Zos. III. 5. 3).

Привлекает внимание и пример Максимиана Фракийца (235–238 гг.): в бою с германцами он в критический момент ринулся в болото, увлекая за собой солдат, переломив в итоге ход боя (Herod. VII. 2. 6–7; SHA. Max. duo. 12. 1). Юлиан II также лично принимал участие в штурме Пирисаборо, воодушевляя воинов (Amm. Marc. XXIV. 2. 14). Характерно и то, что под началом Клавдия II (268–270) особенно храбро сражались далматы, считая его своим земляком (SHA. Claud. 11. 9). Помимо прочего, известно, что штурмовавшие в 360 г. Безабду воины сняли шлемы, чтобы Констанцию II (337–361 гг.) было проще запомнить отличившихся бойцов (Amm. Marc. XX. 10. 12). Как отмечал Дж. Лендон, «солдаты лучшим образом сражались в присутствии полководцев и императоров» не только для того, чтобы продемонстрировать свою преданность и самоотверженность, но также ради наград и повышений по службе [2].

Нежелание заниматься военными вопросами, неудачные решения полководца могли вызвать недовольство солдат. Так, воины, опасаясь угрозы голода, бранили Юлиана, назвав его «изнеженным азиатом, хвастливым греком, обманщиком, дураком под видом философа» (Amm. Marc. XVII. 9. 3; пер. Ю. А. Кулаковского). Он же, страшась обвинений со стороны подчиненных в трусости, был вынужден действовать против Констанция II более решительно (Amm. Marc. XX. 10. 1). Неспособность Александра Севера (222–235 гг.) дать отпор варварам стоила ему жизни: бойцы, возмущенные решением принцепса купить мир у германцев, убили его (Herod. VI. 7. 10; 9. 7). Гордиан III (238–244 гг.) так же пал от рук взбунтовавшихся воинов, страдавших от недостатка съестных припасов (SHA. Gord. tres. 29–30; Zos. I. 19. 1). С неповиновением франкских федератов столкнулся Валентиниан III (425–455 гг.), удалившийся от государственных дел (Greg. Tur. Hist. Franc. II. 9).

Важными способами добиться одобрения воинов были личные обращения к армии перед сражениями или на сходках. Неслучайно право на речь перед всем войском было исключительной прерогативой августов (Amm. Marc. XVI. 12. 29). Порой императорам приходилось прибегать

и к искусству убеждения: Константин II сумел благодаря щедрым дарам и ораторскому мастерству уговорить солдат узурпатора Ветраниона низложить их лидера (Zos. II. 44. 3–4).

Милитаризация позднеримского социума нашла выражение и в придворной моде: некоторые императоры носили популярные в армейской среде предметы одежды, заимствованные у паннонцев и германцев [3]. Однако декларируемое сближение с солдатской массой сопровождалось растущим отчуждением между августом и гражданским населением, что отразилось в пышных церемониальных практиках, вошедших в обиход при Диоклетиане (284–305 гг.): «подданные должны видеть непреодолимую грань между императором и любым другим человеком» [4].

В заключение следует сказать, что подобного рода поведенческие стратегии и паттерны были естественной реакцией на стремительно меняющиеся реалии позднеантичной эпохи. Социокультурные трансформации в обществе Поздней Римской империи и в военной сфере, в частности, размывали фундамент традиционных идеологий. В таких условиях только стремление взять ситуацию под личный контроль и возможность осуществлять его могли гарантировать политическую стабильность. В немалой степени этим и объясняется сокращающаяся дистанция между позднеримскими императорами и рядовыми воинами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027.

Литература

1. *Stewart M. E.* The Soldier's Life: Early Byzantine Masculinity and the Manliness of War // *Byzantina Symmeikta*. 2016. Vol. 26. Athens. P. 22.
2. *Lendon J. E.* Empire of Honour: the Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 259.
3. *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge, 1967. P. 170.
5. *Князький И. Ю.* Император Диоклетиан и конец античного мира. СПб., 2016. С. 33.